

МАГНЕТИЗЕР

(отрывок из нового романа, соч. Антония
Погорельского)

(Окончание)

“Лучшие петербургские доктора съезжались в дом графини N*** и уверяли, что это не что иное, как нервические припадки, истерика; но никто между тем не в силах был помочь Катерине. День ото дня припадки становились чаще и сильнее, несмотря на капли, порошки и ванны. Графиня наконец согласилась призвать одну известную ворожею, которая тогда жила в Коломне¹ у Харламова моста. Она приехала, много говорила, выпила несколько чашек кофею и обещалась непременно вылечить больную. Во время припадка она над нею шептала, на нее плевала, чем-то ее опрыскивала; а бедной Катерине все-таки не делалось лучше! Наконец прогнали ворожею и опять принялись за докторские капли, которые, впрочем, по-прежнему нимало не помогали. В то время приехал в Петербург из Неаполя один итальянец, маркиз, и принят был в лучшие общества. Он посещал и дом графини. Однажды случайно упомянули о болезни Катерины... Маркиз слушал рассказ о ней с необычайным вниманием.

— Нельзя ли видеть вашу больную? — сказал он наконец.

— Для чего? — спросила графиня.

— Может быть, я в силах ей помочь,— отвечал маркиз.

Графиня сначала не знала, на что решиться; но не находя никакого препятствия в исполнении желания маркиза, согласилась на оное и сама повела его к Катерине. Они вошли к ней в самую ту минуту, как больная изнемогала от мучений одного из ужаснейших ее припадков. Случайно я была тогда у нее. Маркиз, при входе в комнату, устремил пронизательный взор свой прямо на больную, подошел к кровати, схватил руку — и больная задрожала, потом успокоилась; все члены ее пришли опять в естественное свое положение; она несколько раз тяжело вздохнула, после того открыла глаза... Конвульсии совершенно прекратились, и в тот день она была здорова, хотя очень слаба. Вид этого итальянца, с первого на него взгляда, сделал неприятное на меня впечатление; но когда увидела я, что он одним наложением руки своей прекратил страдания бедной Катерины, то я не могла удержаться от невольного восклицания. Маркиз вдруг повернул голову ко мне... из черных, пламенных глаз своих он бросил на меня взор... мне показалось, что взор этот осуществился и в виде огненной стрелы вонзился в мое сердце. Я почувствовала невольный страх; я почувствовала, что ноги мои подгибаются, и чрез силу могла выйти из комнаты”.

Пашенька замолчала, робко оглянулась на все стороны и, казалось, как будто чего-то страшилась... — “Что ж, вылечил ли он Катерину?” — спросила Степанида Гавриловна, не замечая смущения дочери.

Паша вздрогнула и отвечала тихо: “Говорят, что он ее совсем вылечил; но зато я страдала долгое время после того...”

— Как? чем? Мы об этом ничего не знали! — вскричали в один голос отец и мать.

— Болезнь эта не препятствовала мне писать к вам с каждою почтою,— продолжала Пашенька,— и я не хотела вас беспокоить. Впрочем, тогдашнее положение мое не совсем можно назвать болезнию, хотя страдания мои были чрезмерны. Я не могла без содрогания думать о маркизе; но в иное время мне, напротив

23

того, казалось, что он один может избавить меня от этой несносной тоски, от этого неизъяснимого уныния, которые иногда совсем неожиданно и непонятным для меня образом пробуждались в душе моей и терзали ее. Я не могу описать тогдашних ощущений моих, но уверяю вас, что и теперь еще, при одном воспоминании, на меня находит ужас.

— Плюнь на дьявола! — вскричала Степанида Гавриловна и при сих словах сама плюнула в сторону.

— Перекрестись, Пашенька! — сказал Анисим Аникеевич и сам перекрестился.

Паша тоже перекрестилась с сердечным умилением; потом, смиренно сложив руки и устремив взор прямо перед собою, продолжала начатый рассказ: “Припадки эти делались со мною реже, когда в следующую после того весну

мы поехали в Ревель. Прелестные местоположения, благообразный воздух, веселое общество, может быть и купанье в море, меня рассеяли; и я возвратилась в Петербург, совершенно выздоровев. Вскоре после того я отправилась в Екатеринбург, к вам, любезные родители, и здесь до нынешнего вечера не чувствовала никаких признаков прежней болезни. Теперь только, кажется, как будто чувствую что-то похожее на тогдашнее мое положение. Но надеюсь, что это пройдет к завтраму. Меня клонит сон; позвольте мне пожелать вам покойной ночи”.

Паша встала со стула, поцеловала руку у батюшки и у матушки, которые благословили ее, и отправилась в свою комнату в сопровождении встревоженной матери.

Анисим Аникеевич в глубоком раздумье остался на диване. Несколько времени спустя после того вошла опять Гавриловна.

— Проклятые журналы! — сказала она, входя в комнату.— Если б ты не говорил об этом магатизе, или как его зовут, то и Пашенька бы не занемогла...

— Полно браниться, Гавриловна! — отвечал ей муж,— у меня не то на уме! Какова Пашенька?

— Пашенька, слава богу, заснула, только что легла в постель; однако дай же мне договорить.

— Так и нам спать пора,— прервал ее Анисим Аникеевич.— Помолись-ка богу да ложись!

Они пошли в спальню. Степанида Гавриловна давно уже храпела, когда Анисим

Аникеевич все еще стоял перед кивотом и клал поклоны Николаю Чудотворцу.

ГЛАВА 2.

Анисим Аникеевич Фесюрин родился в Москве. Отец его — хозяин мелочной лавочки в Немецкой слободе² — по мере возможности старался дать ему хорошее воспитание и на восьмом еще году начал посылать его в народное училище. Анисим был мальчик смышленный и прилежный и потому в течение двух или трех лет научился всему,

24

чему в то время можно было научиться в народных училищах; он читал и писал хорошо и знал арифметику до тройного правила. Притом он был добронравен, проворен и деятелен и потому сделался весьма полезным отцу своему, который вверил ему всю счетную часть по небольшой своей торговле. Заметили даже, что с тех пор, как пригожий, краснощекий Аниска (у которого шелковые кудри, в кружок остриженные, всегда были порядочно вычесаны, лицо и руки умыты, а синий кафтан не замаран ни пухом, ни салом) сделался главным действующим лицом в этой лавочке, число покупателей значительно умножилось. Все кухарки из соседства брали соленые огурцы и квас охотнее у него, чем у других, а горничные девушки сахар и кофе, у него покупаемый, предпочитали всякому другому. Аниска, так сказать, вошел в моду; а когда

впоследствии мягкий пушок пробился на верхней губе его и глаза ярче начали светиться, то число покупиц от того не уменьшилось: напротив того, многие из соседственных барынь гораздо чаще стали бранить своих девушек за беспрестанное беганье в лавочку. Барыни не подозревали, что причиною всех сих домашних беспорядков был наш Аниска, которого тогда некоторые начинали уже честить Анисимом Аникеевичем.

По улице, где была лавочка Анисима, часто проходил один разносчик, торговавший старыми книгами, и всякий раз заходил в эту лавочку. Анисим всегда был ему рад, потому что разносчик позволял ему перелистывать книги, между тем как сам, расположившись на скамье, лакомился кусочком паисной икры или балыком. Таким образом в Анисиме возбудилась охота к чтению, и он часто с сожалением помышлял о том, как бы для него приятно было, если б отец его, вместо мелочной лавки, имел книжную. От прозорливых глаз букиниста не скрылась сия охота Анисима, и он разговорами своими еще более воспламенял воображение молодого лавочника, стараясь переманить его к себе в товарищи. Отец Анисима имел довольно хорошее состояние, и букинисту весьма выгодным казалось найти в Анисиме не только деятельного товарища, но и средства к распространению небольшой своей торговли...